

Р. М. ЛАЗАРЧУК

**ПОСЛАНИЕ Н. А. ЛЬВОВА И ЕГО РОЛЬ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ
1790-х — НАЧАЛА 1800-х гг.**

Есть некоторое противоречие между тем образом Львова — «гения вкуса, утверждающего произведения друзей своей печатью»¹, который существовал в сознании современников, и его собственной поэтической продукцией. Большую часть ее составляют шуточные послания в стихах и стихах и прозе. Литературоведы давно объяснили эту загадку: у Львова, писала З. В. Артамонова, «...дилетантизм становился литературной позицией, «профессиональным дилетантизмом»; кружковщина возводилась в принцип»².

Отчасти это так. «Львов очень скупой отдавал в печать свои литературные произведения. Дружеские послания Львова копировались и ходили по рукам. Они могли и не появляться в печати, потому что и так были известны как литературные произведения»³.

Верно и это. Но дилетантизм, пусть даже «профессиональный», всегда остается дилетантизмом, чем-то «поверхностным и любительским». И тогда чем же существенно отличается новая концепция творчества Львова от старой, гротовской? «Впрочем, поэзию Н. А. Львов занимался только как любитель»⁴, — писал Я. К. Грот в 1859 г.

¹ Ф. П. Львов. Биография Н. А. Львова. — «Москвитянин», 1855, т. II, № 6, кн. II, стр. 180.

² З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова. — «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933, стр. 268. О дилетантизме Львова говорится также в неопубликованной работе Б. И. Коплана «Дни и годы жизни и творчества Н. А. Львова». — ЦГАЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1.

³ З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова, стр. 267.

⁴ Я. Грот. Рукописи Державина и Львова. — «Известия Императорской Академии наук по отделению рус. яз. и словесности», т. VIII, вып. 4, 1859, стр. 255.

Зачем понадобилась этому «интересному и своеобразному поэту»¹ поза дилетанта? Почему «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...» было напечатано только после смерти Львова? Почему не печатались шуточные послания? Только ли потому, что они «ходили по рукам... и были известны и так»? Почему, наконец, в рукописный том его сочинений, хранящийся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, вошли вместе с «Добрыней», «Ботаническим путешествием...» и тремя операми все «вздорные сочинения» — но там нет ни эпиграммы «Завистникам нашего счастья», ни такого удивительно личного стихотворения, как «1766 июня первого на даче»? А ведь исследователи (Я. К. Грот, Б. И. Коплан, З. В. Артамонова) не раз высказывали предположение о том, что тетрадь в сафьяновом переплете из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — сборник стихотворений Львова, который друзья поэта хотели издать после его смерти. Не значит ли это, что сам поэт отдавал большее предпочтение корявой шутке, чем гладким сентиментальным стихам?

Ответы на эти бесконечные «почему», вероятно, следует искать в самих «вздорных сочинениях» Львова, а они до сих пор еще не были предметом специального исследования.

* * *

Во 2-й половине 1760-х гг. робко, а в 1770-х все более уверенно русская литература открывает «жизнь сердца». Рационалистическое миросозерцание сменяется мироощущением чувствительности. Поэзия и проза проникают в «излучины сердца», следят за «переменами души». «Утренний свет» пропагандирует «науку познания самих себя». Начало самонаблюдений становится своеобразным моментом осознания личности. «Я начал надзирать за собою»², — пишет М. В. Храповицкий.

«Школой «чувствования», лабораторией сентиментального отношения к миру была и переписка»³.

Уже в 1760 г. под влиянием «Начальных оснований философии» Готшета к «самоизучению» обращается А. Т. Болотов: «...я положил всякую попадавшуюся мне мысль и вся-

¹ З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова, стр. 264.

² Из записи М. В. Храповицкого от 16 ноября 1805 г. — М. В. Храповицкий и М. И. Сердюков. Из записок Н. В. Сушкова. В кн.: «Паут на 1852 год. Исторический и литературный сборник». М., 1852, стр. 206.

³ Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., «Просвещение», 1968, стр. 202.

кое хорошее чувство души своей записывать...»¹. Впоследствии он переписшет, переплетет в отдельную тетрадь, снабдит рисунками и виньетками свои письма к моряку Тулубьеву². Он назовет их «памятником тогдашним моим чувствованиям и упражнениям»³.

В «...историю сердца, чувствований, заблуждений... роман, в котором мы сами были действующими лицами»⁴, превращалась переписка М. Н. Муравьева конца 1770-х годов.

А. М. Кутузов пишет «своим друзьям огромные письма, не содержавшие почти вовсе «внешних» сообщений... целые трактаты и очерки о тончайших оттенках беспредметных томлений его души...»⁵.

Еще никогда в России так много не философствовали и не исповедовались. Постоянная обращенность к миру внутреннему рождала определенную глухоту к миру внешнему — событийному и бытовому. «...Обретение психологического анализа, открытие человеческой конкретной души, чувствующей, изменчивой, страдающей»⁶ было одновременно и бегством от важнейших проблем современности. Чувствительность и меланхолия грозили подчинить себе все.

Послания Львова были защитной реакцией от этой высокой меланхолии и изоэренной чувствительности, своеобразным протестом против односторонности литературы.

Львовское послание полемично. Бесконечным «увы», тихой, созерцательной грусти демонстративно противопоставляются радости бытия, любви и веселья:

А там как делом надорвуся,
Устану... вдоволь налюблюся,
Поставлю жизни я чертой...⁷

или:

Дав свободу веселиться,
Скромно и покойно жить,

¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, т. I (Приложение к «Русской старине» 1870 г.). СПб., 1871, стр. 982.

² Отдел рукописей ГПБ. А. Т. Болотов. Письма к разным лицам. Ф. 89, ед. хр. 110.

³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, т. I, стр. 998.

⁴ Надпись на обороте письма Ханыкова от 28 февраля 1779 г. — Л. И. Кулакова. Поэзия М. Н. Муравьева. В кн.: М. Н. Муравьев. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. И. Кулаковой. Л., «Сов. писатель», 1967, стр. 29.

⁵ Г. А. Гукowski. Русская литература XVIII в. Л., Учпедгиз, 1939, стр. 304.

⁶ Там же, стр. 303.

⁷ «У Николы в Воробине после смертельной моей болезни, послание начерно к А. М. 1801 октября 1.» — Отдел рукописей ГПБ. Архив Державина, ф. 247, т. 37, л. 73 (об.).

Целый круглый век любить,
О пустом не суетиться...¹

Львов был последним, «запоздалым отголоском Возрождения»² не только потому, что стремился к разносторонности знаний: поэт, архитектор, гравер, рисовальщик, музыкант, археолог, геолог. В нем бурлила ренессансная жажда жизни, наслаждений, тот буйный, жизнерадостный гедонизм, о котором обычно говорят только в связи с Вольтером. Концепция жизни Львова, неоднократно декларируемая им в поэзии, вместе с идеалом покоя и независимости («Я счастье прочное прямое В себе иль дома находил...») включала и просто забавы, шутку:

Но витязь, в вечности живущий,
Скажи мне истину, не скрой,
Сей лавр блестящий и цветущий,
Который лоб геройский твой
Бессмертной славой осеняет,
Ужель и вправду заменяет
В унылой мудрости твоей
*Потерю шалостей, любви и красных дней?*³

Пересматриваются цели поэзии:

...Но кончим песнь печали,
Чтобы не горести слеза
Проникла *чтущие глаза*,
*Пусть смехом бы они слезились и сверкали.*⁴

Здесь явная полемика с «Прискорбием стихотворца К*** в 1777 г.» М. Н. Муравьева (В первой редакции — «Ода седьмая. К Н. А. Львову»):

И мгновенье то бесценно
Не получит бытие,
Чтоб мои творенья *чтущей*
Девы, юностью цветущей,
Умилилися *глаза*.
И чтоб, *сладко похищенна*,
Со ланит ее священна
*Уронила слеза!*⁵

¹ «Горячка». — Отдел рукописей ГПБ. Архив Державина, ф. 247, т. 37, л. 12.

² Н. М. Гершензон-Чегодаева. Д. Г. Левицкий. М., «Искусство», 1964, стр. 180.

³ Отдел рукописей ГПБ. Архив Державина, ф. 247, т. 37, л. 89 (об.).

⁴ «Северный вестник», 1805, ч. V, стр. 120. В дальнейшем все ссылки на «Ботаническое путешествие...» даются в тексте; в скобках указывается страница. Ср. в «Добрыне»: «...помоги ты спеть Песню длинную, да нескучную, Да нескучную, богатырскую! А чтоб со смеху люди плакали...» — Поэты XVIII в., т. 2, Л., «Сов. писатель», 1958, стр. 333.

⁵ М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 157.

Одинаково неприемлемыми оказываются и «громкая лира», и «нежная свирель», их заменяет трехструнный гудок скомороха:

Я гудок взял не знаю как;
Задерябил на чудной лад,
Как телега немазана...
Ведь не лира — гудок гудит...¹

С запальчивостью отрицается и провозглашенное классицизмом творчество по правилам и образцам, и романтическая теория вдохновения: послания создаются «кое-как», «впопыхах» и пренебрежительно именуется то «куриным сбродом» и «мараньем»², то «блином скороспелым»³ или попросту «скороспелкою»⁴. (Ср. А. В. Храповицкий — М. В. Храповицкому, 20 апреля 1794 г.: «Я не в вас, и... теперь же, наскоро, не упуская почты, стихи свои *скороспелые* к вам посылаю...»⁵; В. А. Жуковский. «Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину: «Вот два посланья вам — обнова, которую для муз скроил я *второных*»)⁶.

«Приписки с извинениями за спешность и небрежность, обязательные при каждом послании, — пишет З. В. Артамонова, — принимали характер жанрового признака»⁷. Это была своеобразная разновидность художественного приема «самоуничтожения», характерного уже для античного эпистолярного стиля⁸.

В этом безоговорочном отрицании старых традиций рождается поза дилетанта — вынужденная и необходимая. Не любитель-острослов, творящий для немногих, а полемист в маске дилетанта — таков, по-видимому, настоящий облик Львова-поэта.

* * *

В 1780—90-е годы к быту обращается и Державин. «У Державина, — пишет Г. А. Гуковский, — поэзия вошла в жизнь, а жизнь вошла в поэзию. Быт, подлинный факт, по-

¹ Н. А. Львов. Добрыня. Богатырская песня, стр. 335—336.

² И это сказано о подробнейшем описании путешествия Екатерины II в Екатеринославскую губернию, о письме — путевом очерке С. Р. Воронцову от 22 мая 1878 г. — Архив кн. Воронцова, т. XXXII, М., 1886, стр. 509.

³ ГПБ. Архив Олениных, ф. 542, № 247, л. 4.

⁴ ГПБ. Архив Державина, ф. 247, т. 37, л. 58.

⁵ «Раут». Исторический и литературный сборник, кн. 3, М., 1854, стр. 158.

⁶ В. А. Жуковский. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. В. Измайлова. Л., «Сов. писатель», 1956, стр. 155.

⁷ З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова, стр. 267—268.

⁸ См. об этом: Е. А. Беркова. Поздняя римская эпистолография (IV—V вв. н. э.). Авсоний. — В кн.: «Античная эпистолография. Очерки». М., «Наука», 1967, стр. 274.

литическое событие, ходячая сплетня вторглись в мир поэзии и расположились в нем, изменив все привычные, респектабельные и законные соотношения вещей»¹. Интерес к быту стал формой утверждения нового содержания поэзии.

Обращение Львова к «прозе жизни» было продиктовано совершенно иными причинами. Демонстративное пристрастие к внешним деталям, тяга к мелочам, бытовым подробностям, нередко приобретающие характер бравады, вызова, становились формой борьбы с чрезмерным погружением в мир собственных переживаний.

* * *

Основные принципы львовского послания: снижение поэтического, пародийность и травести.

В одах Ломоносова «радость» ликует, торжественно шествует по стране. («Повсюду вейте, ветры, радость...»; «Уж с радостью любовь согласно Везде ликуют безопасно», «Девич и юнош красных лики, Вознесите радостные клики...» и др.). В письме в стихах и прозе к П. В. Лопухину Н. А. Львова этот поэтический образ явно снижен: «...радость прокатилась По России кубарем!»².

Абстрактное и условное материализуется и в этой подчеркнутой конкретности становится особенно комическим: fortuna у Львова — «непоседная, благая, мадам летучая, нагая», — «поверь мне, друг мой, это черт...» — прием, в какой-то мере восходящий к Ариосто. Именно грубой материализацией пародируется в «Неистовом Орландо» дантовское представление об аде³.

Иногда Львов идет на сознательное, довольно нарочитое обнаружение травести, подчеркивая связь своих посланий с традицией ирои-комической поэмы.

В послании «И. М. Муравьеву, едущему в Этин министром...» он отваживается на громоздкие пассажи, где о совершенно прозаическом (слеза упала на письмо) говорится едва ли не стилем героической поэмы.

Горько стало мне удаленному
Представлять тебя в пеленах таких.
Поднялась было грудь... я вздох задержал —
Не живой слезы капля теплая
Из-под вежд моих вырывается.
Оживленная тайной радостью,
Скоро катится вдоль по грамотке,
Ищет местечка успокоиться.

¹ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII в., стр. 408.

² Отдел рукописей ГПБ. Архив Державина, т. 37, л. 77 (об.).

³ См.: Де Санктис. История итальянской литературы, т. 2. Перевод с итальянского под редакцией Д. Е. Михальчи. М., Издательство иностранной литературы. 1964, стр. 46.

И на том самом стала трепетна,
Где написано было: счастлив я.
Растворенное счастье радостью
Сообщением умножается!
Не смывается слово милое
Каплей теплою слез приятельских,
Но черты его увеличились,
Распростерся их цвет торжественный.¹

Это нарочито замедленное описание прерывается забавным примечанием: «а *просто* сказать: расплылись чернила орешковые...». Сравни в «Елисе» В. И. Майкова:

А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А *попросту* сказать, повешу вверх ногами...

или:

Но слог сей кудряват, и здесь не очень кстати,
Не *попросту* ль сказать — они должны бежати?

Отметим и чисто текстуальные совпадения: «а попросту сказать...»

Но если иронико-комическая травестийная традиция «...не отрицает высоты высокого...» и в «Елисе» В. Майкова «...нет ни малейших признаков отрицания русского классицизма...»², то в посланиях Львова травести становится одним из приемов борьбы с крайностями сентиментализма.

* * *

«Вздорная» муза Львова перелицовывала, выворачивала наизнанку старые сюжеты и традиционные поэтические штампы.

В конце XVIII в. поэты любили проливать слезы и «смягчать» ими струны звончатой лиры. «Слезам струны орошены Уныло под рукой звенят»³, «Восстанет и смягчит слезою Засохши струны он твои, Потом дрожащею рукою Страданья возвестит мой»⁴, — плакались в «Московском журнале» Ф. П. Львов и И. И. Дмитриев.

В «Оде во вкусе Архилоха на 1795 г.» Львов почти буквально повторяет Дмитриева: «Слезой Пиита орошенна, Смягчилась лира восхищенна, К царице глас он обратил»⁵. Но эти строки даны вне обычного унылого контекста, слезы печального певца любви переадресованы громкому одописцу,

¹ Отдел рукописей ГПБ. Архив Державина, ф. 247, т. 37, л. 2 (об). — л. 3.

² Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. М.—Л., ГИХЛ, 1959, стр. 132—133.

³ Ф. П. Львов. Стансы. — «Московский журнал», 1791, ч. 3, стр. 5.

⁴ И. И. Дмитриев. К лире. — «Московский журнал», 1791, ч. 4, стр. 124.

⁵ Отдел рукописей ГПБ. Архив Державина, ф. 247, т. 37, л. 7 (об.).

которому более пристали восторг и парение. Вот почему образ теряет привычную элегическую окраску, строчки звучат насмешкой и грубой прозой (рассохшаяся лира, смоченная слезой).

Интересно, что, печатая в 1831 г. «Стансы» в собрании своих сочинений¹, Ф. П. Львов исключил строку об орошенных слезами струнах (помнил ли он тогда об издевке Н. А. Львова?)², а начатая в шутовском дружеском письме борьба со «слабостями» нового направления была перенесена на страницы журналов.

Через год на слезливых «стихоедеев» обрушится В. Л. Пушкин:

Ты прав, мой милый друг! все наши стиходеи
Слезливой лирою прославиться хотят».³

А два года спустя в предисловии ко второй книжке «Аонид» Карамзин скажет: «Не надобно также беспрестанно говорить о слезах, прибирая к ним разные эпитеты, называя их блестящими и бриллиантовыми...»⁴.

В 1820-е годы против новейших «вздохателей» ополчатся Кюхельбекер и Катенин.

Словарь и поэтический реквизит сентиментализма систематически подвергаются у Львова пародийному снижению, «переодеванию».

В посредственных стихах «К реке Талажне» Ф. П. Львов, повинуюсь моде⁵, воспроизводит ходульную историю о воз-

¹ Часы свободы и молодости Ф. Львова. Ч. I. СПб., 1831, стр. 200—201.

² Точно так же арзамасская речь Жуковского заставила графа Д. И. Хвостова переделать свои «Избранные притчи» так, что «...ни одна басня, ни одно выражение из басни, над которыми издевался... Жуковский, в издание 1816 г. не были введены». — М. С. Боровакова - Майкова. Вводная статья к протоколу Арзамаса. В кн.: «Арзамас и арзамасские протоколы». Издательство писателей в Ленинграде, 1933, стр. 53.

Как указывает М. Е. Халанский, остроумное высказывание и пародирование было одним из приемов литературной полемики Кружка страсбургских и франкфуртских «диких гениев» (1770—1772 гг.). К «смехотворным формам» обращались и польские романтики, члены «Общества Филатов» (1817—1819), выдвинувшего из своей среды А. Мицкевича. См. об этом: М. Е. Халанский. К вопросу о возникновении Арзамаса. В кн.: «Записки имп. Харьковского ун-та», 1900, вып. 4, отд. 1, стр. 387—391.

³ «Аониды, или собрание разных новых стихотворений». Кн. I. М., 1796, стр. 92.

⁴ «Аониды», кн. 2, 1797, стр. IX—X.

⁵ В журналах 1780—90-х годов слезливо-элегические обращения подобного рода довольно традиционны: «К реке М...» К-ва («Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. 5, стр. 46—48); стихи «К местечку Переволочне» («Муза», 1796, ч. 3, стр. 89—92), своеобразно перефразирующие послание Ф. П. Львова; разница несущественна; к обычным сентиментальным излияниям добавляются раздумья о предах и истории; послание «К озеру «Б» («Муза», 1796, ч. 4, стр. 9—10) Е. Кольчева, осложненное любовной тематикой; «Волга» Н. Карамзина — «Аглая», 1794, кн. I, стр. 23, и др.

вращении блудного сына в родные места («О речка, кроткая, родная! Питомец твой, тобой вздыхая, Пришел к тебе с страны чужой»)¹, «вздыхает» о «днях младых», ищет исцеления...

В «Эпистоле к А. М. Бакунину из Павловского июня 14, 1797. Фортуна» Н. А. Львова Талажня явится уже в совершенно другом одеянии:

... Я так подумал и очнулся,
Из Талажни черпнул воды,
Умылся, проглянул, встряхнулся,
Ай, батюшки, беды, беды!
Куда меня нелегка сила
В чаду обманом затащила? ²

Не романтическое убежище от мрака и «злых страстей» света, не панацея от всех бед («О если б в тяжелой сей печали Хоть капля чистых вод твоих Уста иссохши прохладила!»), а просто Талажня, отрезвляющая от дурманов и наваждений, выступающая в такой отнюдь не поэтической функции: «...умылся, проглянул, встряхнулся...». Полемична уже самая «оголенность» образа — прозаическая вода (ср. у Ф. П. Львова — «капля чистых вод», «радужные струи», «голубые волны», «блеск волны», «сверкающие волны» и т. д.).

Послания Львова живут двойной жизнью. Карамзин печатает в «Московском журнале» стихи Ф. П. Львова «К лире»:

Тому средь горести, несчастья,
Как солнце часто сквозь ненастья,
Утеха и в слезах блестит...

и дает к ним примечание: «Живое, пиитическое сравнение»³, а Львов потешается над «слезоточивыми» стихотворцами; Карамзин в восторге от стихов Ф. П. Львова:

Быть может, что одной минутой
И я лишусь друзей моих!...^{*}

* Я воображаю здесь нежно-горестную остановку.
В сем месте поэт обтирает слезу⁴;

у Львова же многоточие, пауза, остановка появляются в самых неподходящих местах, они явно обесмыслены. Карамзин недовольно замечает о стихе:

Считая знатность за полуду,^{*}
Я знаю, что под ней есть яд...

* «Не низко ли сие слово в стихах?»⁵,

¹ «Московский журнал», 1791, ч. IV, стр. 124.

² З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова, стр. 272.

³ «Московский журнал», 1792, ч. VI, стр. 231.

⁴ Там же, стр. 234.

⁵ Речь идет о стихах Ф. П. Львова «К лире». Там же, стр. 230.

Львов — демонстративно вводит презренную «полуду» в послание:

.. Перед зеркалом страдает,
Щеткой прелести собирает,
Собирает дань в уме
Силой новья *полуды*
И в восторге без ума! ¹

«Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен...», — пишет Карамзин в «Бедной Лизе».

В послании «У Николы в Воробине после смертельной моей болезни...» Львов травестирует и трагическую тему, и настроение, и даже позу:

В пустынных, под вечер торжественных местах
Унылый некий дух возлег и водворился.
На падших я припал листах,
На холодный камень облоктился... ²

(Ср. «Ночь» М. Н. Муравьева:

Или облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью в землю врос и частию над ней... ³).

Кажется, что Львов «...завел процесс со всею... литературою...» ⁴ сентиментализма, и прежде всего с Карамзиным. Послания Львова сотканы из намеков, они насквозь пародийны. Время приглушило, стерло второй план; и только конкретный историко-литературный анализ может обнаружить тот подтекст, который так живо ощущали современники поэта.

Шутливое послание охотно обращается к чужому материалу, оно живет чужими темами, образами, интонациями, переодевая и пародируя их.

Интересно проследить, как трансформируется в дружеском послании библейский образ смерти. Заметим сразу, послание воспринимает его не через первоисточник («Псалтырь»), оно обращается к обновленному, сниженному и конкретизированному державинскому образу: ⁵

Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежешет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак, сечет.

¹ Послание «С полуденных стран богатых...» — З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова, стр. 274.

² Отдел рукописей ГПБ. Арх. Державина, ф. 247, т. 37, л. 72 (об.).

³ М. Н. Муравьев. Стихотворения, стр. 160.

⁴ Письмо М. М. Достоевскому от 17 декабря 1846 г. — Ф. М. Достоевский. Письма. Под редакцией и с примечаниями А. С. Долинникова, т. 1, М.—Л., 1927, стр. 104.

⁵ О характере использования этого традиционного образа в поэзии Г. Р. Державина см.: В. А. Западов. Г. Р. Державин. Биография. М.—Л., «Просвещение», 1965, стр. 42—43, и В. А. Западов. Поэзия Г. Р. Державина (1779—90 гг.). (Нерешенные вопросы биографии и поэтики). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968, гл. 3. «Становление новой поэтики», стр. 261.

В «Отрывке из письма к А. М. Б., который к сочинителю прислал из деревни „Стихи на зависть, на скуку, на воображение, на праздность”» Львова смерть лишена и чудовищного оскала, и «роковых кохтей» — это «чахотливая смерть», «торжественно курноса», «адская дочь». У Державина она все- сильна: «Смерть, трепет естества и страх!», «... Глодает царства алчна смерть», «... И всем мирам она грозит»¹; у Львова чахоточная смерть, слабая до беспомощности, оказывается скрученной и побежденной:

Любовь торжественно курносу, адску дочь,
Чахотливую смерть цветами б обратала,
Нагнула, оседлала
И выехала бы верхом из ада вон².

В шутовском послании В. Л. Пушкина «К графу Ф. И. Толстому» та же ситуация изображена уже совсем комически. «Проклятый эскулап» грозит больному подагрой, званому на сытый обед:

Смотрите: за плечами
Стоит курноса с косою на часах —
Махнет... прощайтесь с стерлядями,
С вином шампанским и с стихами,

а сложнейшие проблемы жизни и смерти оказываются сведенными к тоске по обеду:

Ты не сердись, любезный!
Я плачу, что лишен обеда твоего³.

У Ф. П. Львова смерть попросту беззубая:

...И смерть казала мне вдали
Без зуб и длинную, покрытую в пыли⁴.

Львов чутко угадывает предромантический стиль в его потенциальном развитии, определяет его слабости, улавливает будущее, предвидит тупик, куда заведут его эпигоны.

Только этой удивительной способностью «предчувствовать» и предвидеть можно объяснить парадоксальный факт: в «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 г., мая 8» пародируются... элегии Жуковского.

В литературе конца XVIII в. явно возобладала «кладбищенская тема». Серьезная и трагическая в «Ночах» Юнга⁵,

¹ Г. Р. Державин. На смерть князя Мещерского. — Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1957, стр. 85—86.

² «Муза», 1796, ч. II, стр. 195.

³ Стихотворения В. Пушкина. СПб., 1822, стр. 29.

⁴ Письмо Г. Р. Державину от 12 мая 1805 г. Отдел рукописей ГПБ. Архив Державина, ф. 247, т. 29, л. 4.

⁵ С начала 1770-х и до середины 1800 г. «Ночные размышления» Юнга переводятся на русский язык почти непрерывно, в общей сложности — 15 раз. См.: П. Р. Заборов. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах. — В кн.: «Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 278.

с их «размышлениями о суетности мира», «тщете человеческих надежд», очищением души через страдание» и «скорбным колоритом поэзии»¹, она постепенно утрачивала свой драматизм, подменялась однообразной слезливостью. Заходить на кладбище и проливать «потоки слезны» стало традицией. Морями слез был залит «Московский журнал» Карамзина².

Слишком многое говорило читателям 1790-х гг. уже самое слово «кладбище». Оно становилось словом-темой, «знаком... символом, вызывающим в сознании читателя психологический комплекс»³ и определенные ассоциации, создающим нужное настроение.

Львов явно травестирует «кладбищенскую тему». «Несколько верст проехав: стой, стой! закричали единогласно граф и г. Бибер, увидя в стороне кладбище; тут есть весьма любопытные растения» (стр. 118). Прозвучав как сигнал, слово-тема тут же оказывается смещенным; контекст не только не проявляет привычных связей и установившихся значений, он, напротив, сознательно уводит от темы. Все оказывается бесцельным: на кладбище Львов пошел не зная сам за чем. Названы «могилы», прочитана надпись на плите: «Пришед на место, обошел я несколько могил, постучал тросточкой как водится по камням, которые покрывают покойных поселян, и увидел на одной плите, несколько лучше других обделанной, высеченную сию надпись: Под камнем сим лежит Богатырев» (стр. 118), но привычных размышлений о бренности жизни, слез и вздоха не последовало.

Поиздевавшись над авторами лживых эпитафий вельможам («Могло б богатство иль порода, Иль лесь Адонидом урода, Ираклом Трусова назвать...»), Львов предается мнимо-серьезным раздумьям о том, почему Богатырев «богатырем назвался...»:

... По крепости природных сил
Или по твердости, с которою сносил
Он счастья обороты.
... Иль от товарищей название стяжал,
Каков в ребячестве бывал,
Как всех борол, как всех ломал...
... Иль может быть за тем
Уездный мир богатырем
Его прославил,
Что он десятков семь
Сынов оставил (стр. 119—120).

¹ Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века, стр. 190.

² См. многочисленные эпитафии, переводные произведения: «Шарлотта на Вертеровой гробнице», «Похвала Элизе Драпер, сочиненная аббатом Реналем» (1792 г., ч. VI), «Людовик и Нина» (перевод из *Le Voyageur sentimental* Par. Mr. Vernes le his), «Лиодор» Н. М. Карамзина и др.

³ Г. А. Гукровский. Пушкин и русские романтики. М., «Худ. лит-ра», 1965, стр. 139.

И потом совершенно неожиданно: «Пойдем с кладбища. Пойдемте, пойдемте, сударыня, тут крапива такая!..» (стр. 120).

После этого «лирического» пассажа Львов издевательски поставит восклицательный знак и многоточие, травестируя «любимые обороты» Карамзина, Муравьева (а потом и Жуковского) «бессоюзие, остановку, недомолвку»¹, чтобы после продолжительной паузы произнести совершенно карамзинскую фразу, сплетенную из штампов, перифраз, повторений одного и того же слова²: «...весьма кстати, о! весьма кстати после печального позорища встретились нам три комические преогромные воза» (стр. 120).

На этой игре со словами-сигналами: вспыхнет и тут же погаснет, обманывая читателя, посмеиваясь над его чувствами, построена «сцена на кладбище». Пассаж на «трагическую кладбищенскую тему» не состоялся — история оказывается смешной, вывернутой наизнанку. Это пародия, но пародия юмористическая, без гнева и желчи.

Шутливой пародией на многочисленную литературу путешествий (и, прежде всего, на «Письма русского путешественника» Карамзина или натуралистическое «Путешествие г. Вальяна во внутренности Африки через мыс Доброй Надежды») может показаться и само «Ботаническое путешествие...», где энциклопедическая ученость подменяется «вздором» из латыни, важным целям противостоит полнейшее отсутствие цели: собранная «латинская свежая труха» пойдет на корм лошадям; а вместо дали и необозримости географических горизонтов (Германия, Англия, Франция, Швейцария) — Дудорова гора в десяти верстах от Петербурга; где нет ни утонченных наблюдений за переменами меланхолического сердца, ни философских рассуждений, где царствует только шутка.

Именно в жанре послания Львов бунтует против «нормативного однообразия» (выражение Ю. Тынянова) «среднего штиля» Карамзина³, активно вводит низкую лексику, грубо-

¹ Н. А. Полевой. Очерки русской литературы, ч. 1, СПб., 1839, стр. 123.

² Карамзин довольно часто прибегает к выражениям типа «весьма...», особенно в «Письмах русского путешественника»: «Сей весьма изрядно выстроенный городок...»; «но блеск сего города весьма померк с некоторого времени»; «Вечер весьма приятен»; «...уверял меня, что он прежде совершенно знал французский язык, и забыл его весьма недавно...», «Он был... весьма знаком со всеми французскими стихотворцами» и др. («Московский журнал», 1791, ч. 1).

³ См. интересное замечание Л. И. Кулаковой: «Львов решается на введение просторечия преимущественно в шуточных произведениях». — Л. И. Кулакова. Львов. — В кн.: «История русской литературы», т. IV, ч. 2. М.—Л., АН СССР, 1947, стр. 448.

ватое словцо и диалектизмы. Его «парень»¹, «шемела» (местное — метла), «тетеха», «пивной пустой дощан», «нелегкая сила», «шалльной» непривычно резали

И храбрые души,
И нежные уши²

карамзинской читательницы. Последнее — особенно симптоматично: сомнению подвергается один из основных принципов эстетики Карамзина: писать так, «чтоб понимали дамы».

У Державина «общий стилистический колорит, свойственный... просторечным выражениям, вырастает из всего характера языка, размашистого, живого интонацией живой речи, не сглаженного ферулой условной нормы XVIII столетия, иногда «неправильного» с точки зрения этой нормы, и в своей «неправильности» своеобразно выразительного»³.

В обращении Львова к просторечию сохраняется тот же принцип демонстративного неприятия эстетизированного, «приятного» литературного языка карамзинистов. Когда Львов с веселым сумасбродством пишет о «богах Северного океана»:

Нелепые их рожи
На чучелу похожи

(письмо Г. Державину от 24 мая 1799 г.),

когда дает дерзкое примечание: «жадобный» — по-тверски: «желанный», «милый», «любезный» («И. М. Муравьеву, едущему в Этин...»), мещает «высокую славенщизну», просторечие и «поэтику сладостного»:

Не живой слезы капля теплая
Из-под *вежд* моих вырывается,
Оживленная *тайной радостью*
Скоро катится вдоль по *грамотке*,
Ищет местечка успокоиться...⁴ —

¹ Ничто так не возмущало Карамзина, как «отвратительное парень». «При... этом слове является моим мыслям дебелий мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: ай парень! что за квас! Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! — Итак, любезный мой И., нельзя ли вместо парня употребить другое слово?» — пишет он И. И. Дмитриеву 22 июня 1793 г. — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1886, стр. 39.

² Письмо Г. Р. Державину от 24 мая 1799 г. — Г. Р. Державин. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 2, СПб., 1865, стр. 276. Отметим любопытное совпадение — о «нежных ушах читательниц» говорит и А. С. Пушкин, посылая А. Бестужеву отрывок из «Разбойников»: «...если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Полярной звезды», то напечатать его». — Письмо от 13 июня 1823 г. — А. С. Пушкин. Полн. собр. сочинений в 10 тт., т. 10. Письма. М., АН СССР, 1958, стр. 62.

³ Г. А. Гукковский. Русская литература XVIII в., стр. 407.

⁴ «И. М. Муравьеву, едущему в Этин министром...». — Отдел рукописей ГПБ. Арх. Державина, ф. 247, т. 37, л. 2 (об.) — л. 3.

он едва ли не первым указывает на ограниченность реформы Карамзина.

Пересматривая вопрос о соотношении «высокого» и «низкого» в русском литературном языке, Львов предвосхищает споры о «старом и новом слоге» «Арзамаса» и «Беседы», резкие выступления В. Кюхельбекера в «Мнемозине»: «Из слова же русского, богатого и мощного, сиятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих язык, un petit jargon de coterie...»¹ и сдержанную отповедь Пушкина: «...я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали»².

Точно так же летучести и фрагментарности современной поэзии противостоит тяготение Львова к большой форме, к эпосу. Послания Львова («Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Этин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797» и др.) нередко начинаются как большая форма, с эпического зачина:

Пусть крутят в крючки темнорусые
И с просединой волоса мои,
А слова мои, слуги быстрые
Духа жаркого сердца русского,
Пусть запишет нам парень грамотный...³

По-видимому, Львову было тесно в пределах того канонического жанра послания⁴, который сложился в 1780—90-е годы в лирике Муравьева, Крылова, Карамзина, Дмитриева, Державина. Поэт пытается преодолеть ограниченные возможности жанра: он драматизирует послание, вводит хоры и куплеты (см. «У Николы в Воробине после смертельной моей болезни, послание начерно к А. М. 1801 октября 1-го. Три нет», «Письмо к П. В. Лопухину. Июля 18 дня 1801-го г. С. Петербург»), детально разрабатывает отдельные фрагменты, при-

¹ В. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие.— В кн.: «Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером», ч. 2. М., 1824, стр. 38.

² Письмо П. А. Вяземскому от 1—8 декабря 1823 г.— А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 тт., т. 10. Письма, стр. 76.

³ З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова, стр. 274.

⁴ См. об этом: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. Г. А. Гуковский. Лирика Крылова. В кн.: «И. А. Крылов. Исследования и материалы». Под редакцией Д. Д. Благого и Н. Л. Бродского. М., ГИХЛ, 1947, стр. 217; вопросы генезиса дружеского послания освещены в работах Л. И. Кулаковой. См.: Л. И. Кулакова. М. Н. Муравьев.— «Ученые записки», ЛГУ, 1939, вып. 4 (№ 47), стр. 23; Поэзия М. Н. Муравьева, стр. 32—34.

обретающие значение самостоятельных жанровых сенок или эпиграмм:

Но я разнежился — язык сей непритворный,
И в штат не положен придворный;
Там глупость значится под титулом простоты,
Там сеном кормят тех, кто зелень да цветы
Паркетам травчатым предпочитает
Придворной вне двора и счастья не знает!
И если б улещать меня он едак стал,
Вельможа сей шпынем¹ бы право показался...²

Послание Львова систематически и последовательно пересматривало литературные традиции.

Сам Львов в 1790-е годы писал не только шуточные послания, пародирующие и снижающие литературу сентиментализма, но и бесцветные романсы в духе И. И. Дмитриева: «Стернов чижик», «Птичка», «Снигирь». Очевидно, можно говорить и о самопародировании в посланиях.

Послание открывало новые пути для поэзии Львова. В целом они правильно определены З. В. Артамоновой, отметившей «тенденцию» Львова к реализму³.

Карамзин в письмах Дмитриеву превозносит слабые стихи Ф. П. Львова; он печатает «К Дорализе», «Отпускную двум чижикам» в «Аонидах» и бледное, совершенно не характерное для Н. А. Львова, описание освящения деревенской церкви в селе Арпачево — «Письмо Н. А. Л. к П. Л. В < ельяминову >» рядом с «Письмами русского путешественника» в «Московском журнале», формально признавая победу нового жанра.

«Печатный» Львов вступал в резкое противоречие с «рукописным», представление о характере его поэзии искусственно искажалось.

Трудно объяснить, почему не печатались шуточные послания Львова⁴. Возможно, в этом повинен сам поэт, вообще неохотно отдававший стихи в печать. Но не нужно игнорировать и полемичности львовских посланий.

Шуточное дружеское послание неизбежно включало в себя момент мгновенности, экспромта. Быстрота, с которой рождалось послание, оправдывала и объясняла небрежность в сти-

¹ Несомненна связь этого образа с знаменитым фонвизинским вопросом: «От чего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют и весьма большие?»

² Фортуна. Епистола к А. М. Бакунину... 1797 г. — Отдел рукописей ГПБ. Арх. Державина, ф. 247, т. 37, л. 65.

³ З. В. Артамонова. Неизданные стихи Н. А. Львова, стр. 273.

⁴ Ср. «Свои собственные произведения Львов почти никогда не печатал, создавая иллюзию творчества для узкого круга людей или для придворных салонов». — Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII в. стр. 309.

хах, нередко сбивающихся на галиматью, но, по-видимому, делала их неудобными для печати.

«Всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба»¹, — писал Ю. Тынянов.

«Ревизию» сентиментализма Львов начал едва ли не первым. Это была борьба подспудная, она велась почти в одиночку. Немногочисленные «союзники» Н. А. Львова (А. В. Храповицкий, Ф. П. Львов, Е. Костров и др.) не обладали ни его полемическим даром, ни четко осознанной литературной позицией.

Энергия отрицания, накопленная в течение двух десятилетий (конец 1780-х — начало 1800-х гг. — в это время создавались шуточные послания Львова), даст мощный взрыв в 1810—20-е годы: поднятые Львовым проблемы станут в центре полемики архаистов и новаторов. Сначала узкая и «домашняя» (послания Львова, по-видимому, распространялись только в кругу друзей), эта борьба выльется в ожесточенные публичные споры «Арзамаса» и «Беседы», журнальную полемику, обрстет теоретическими рассуждениями и сочинениями. Она возродит и пародийно-шутливый тон стихотворного письма Львова, и самый жанр послания, превратив его в программу, литературный манифест «Арзамаса».

¹ Ю. Тынянов. Достоевский и Гоголь. (К теории пародии.), Пг., «Опояз», 1921, стр. 26.